

Вадим Гребенников

ПЕРЛЮСТРАЦИЯ

Перехват информации

12+

Вадим Гребенников

**Перлюстрация.
Перехват информации**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Гребенников В.

Перлюстрация. Перехват информации / В. Гребенников —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-10945-2

Появление негласного контроля какого-либо вида связи всегда связано с рождением этого вида связи. Так, несанкционированное вскрытие писем началось вместе с почтовой связью. Книга рассказывает историю рождения и развития спецслужб, занимающихся перлюстрацией почтовой переписки в странах Европы, США, Российской империи, СССР и Российской Федерации; создания и эволюции специальной техники оперативно-техническими службами этих стран для негласного вскрытия писем и контроля почтовых коммуникаций; описывает наиболее важные спецоперации по перехвату секретной корреспонденции.

ISBN 978-5-532-10945-2

© Гребенников В., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Предисловие	5
Часть 1. Западная история	7
1.1. Первые ЧК Европы	7
Германия	9
Голландия	10
Дания	10
1.2. Французский ЧК	12
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Предисловие

Книга написана в продолжении развития темы «перехвата» и дешифровки переписки противника, которая была изложена в предыдущих книгах по истории криптологии, стеганографии и специальных (секретных) видов связи.

Теперь детально рассмотрим тему именно «перехвата» специальными службами в процессе своей секретной деятельности такого вида коммуникации, как почтовая связь. Когда не было ни телефона, ни радиосвязи, «перехватывать» можно было только бумажные письма, что было названо перлюстрацией.

Перлюстрация (от лат. *perlustro* – обзираю) – вскрытие писем без ведома пишущих, возникшее в глубокой древности с началом почтовой переписки. Завладеть чужим почтовым отправлением (письмом, бандеролью, посылкой) можно:

- у отправителя (кража посредством контактеров или профессионалов, грубое разбойное нападение, изымание почты из ящика при оперативном визуальном наблюдении за объектом, разнотипные изъятия в почтовом отделении...);

- в пути (перехват либо подкуп курьера, силовой захват или угон почтовой автомашины...);

- у получателя (в местном отделении связи, путем подкупа почтальона; из почтового ящика, в ходе его постоянного просматривания; в доме у адресата, через его контактера...).

При скрытом извлечении информации из обычных запечатанных писем (т.е. перлюстрации их) применяются такие приемы как:

- мощное просвечивание и фотографирование письма без вскрытия конверта (чтобы читать полученные таким образом копии нужен некоторый навык, ибо строки выявляются частично перевернутыми и наложенными друг на друга);

- временное (секунд на 30) опрозрачивание конверта при обрызгивании его специальным спреем; · грубое вскрытие с последующей заменой поврежденного конверта и с фабрикацией имеющихся на оригинале печатей и подписей;

- ловкое вытягивание наверх на костяную спицу письма через маленькую щель в углу конверта;

- осторожное вскрытие и предельно осмотрительное запечатывание послания.

«Нежное» вскрытие конвертов издавна осуществляют с помощью изящных костяных инструментов и обычного водяного пара. В данном случае лучше употреблять плоскую подогреваемую снизу поверхность, на которой размещают увлажненную промокательную бумагу, выделяющую при последующем нагреве размягчающий клей пар. Поверх всего этого и кладут вскрываемое письмо.

В параллельном варианте увлажненные полоски промокательной бумаги или поролон возлагают только на заклеенные поверхности, а для создания пара прибегают к помощи обычного утюга. Проще всего, впрочем, воспользоваться струей пара исходящего из носика кипящего чайника.

Если подозревается, что отправитель употребил невидимые чернила, извлеченное послание тщательно размещают между двумя подвергшимися обработке горячим паром листками бумаги, и водворяют данный бутерброд под пресс с тем, чтобы часть задействованной химии перенеслась на копии-подложки, с которыми можно работать для выявления тайнописи.

Оригинал при этом внешне не меняется. Сняв информацию и скопировав письмо, конверт тщательно запечатывают, при помощи мягких ватных тампонов и прозрачного (но не силикатного!) клея.

Можно сформулировать 5 основных задач, которые стоят перед системой «перехвата» коммуникаций:

- контрразведывательная функция: наблюдение за перепиской и деятельностью иностранных дипломатов и иностранцев, борьба с иностранным шпионажем;
- выявление антиправительственной деятельности, обнаружение заговоров и различного рода тайных организаций;
- обнаружение различного рода служебных и экономических злоупотреблений: контрабанда, финансовые нарушения, коррупция; контроль за чиновниками всех уровней;
- изучение реальных настроений различных групп населения;
- обнаружение и изъятие запрещенной в стране литературы, пересылаемой по линиям коммуникаций.

Таким образом, можно сказать, что последние 4 задачи являются частью системы политического контроля. Сам политический контроль – это система регулярного сбора и анализа информации различными ветвями государственного аппарата о настроениях в обществе, отношении различных его слоев к действиям властей, о поведении и намерениях экстремистских и антиправительственных групп и организаций.

Политический контроль всегда включает несколько основных элементов: сбор информации, ее оценку, принятие решений, учитывающих настроения общественных групп и призванных воздействовать в нужном для властей направлении, а также политический розыск и репрессии при наличии угрозы государству и обществу.

В современном мире при наличии огромного множества видов электронных коммуникаций их «перехват» является очень актуальной сферой деятельности спецслужб и состоятельных коммерческих организаций всех стран. Они получают в свое распоряжение огромное количество информации как о личной жизни граждан, так и многие детали их деятельности в коммерческой сфере и на государственной службе.

А теперь обо всем поподробнее...

Часть 1. Западная история

1.1. Первые ЧК Европы

Письма перлюстрировались со времён возникновения письменности. Вслед за возникновением организованных почтовых служб в Европе, к XVII веку появились и организованные службы перлюстрации с дешифровальными отделениями.

Фактически, в той или иной форме, службы перлюстрации и дешифровки переписки существовали и в тот момент, и позже, несмотря на существующие законы о тайне переписки.

Римский историк I века н.э. Квинт Курций Руф утверждал, что греческий царь Александр Македонский, заподозрив в заговоре некоторых лиц из своего окружения, прочитал перехваченное письмо полководца Пармениона к его сыновьям Никанору и Филоту. В результате Парменион и Филот были убиты.

Другой римский историк II-III веков, Юстин, пересказывая труд Помпея Трога, сообщает, что Александр Македонский, заметив недовольство воинов, предложил желающим написать письма на родину. Полученные связки писем он приказал тайно принести к нему. Те, кто написал о тяготах службы, были публично опозорены.

Если брать Средние века, известно, что перлюстрация в Европе существовала при Людовике XI (1423-83). Но создателем целой системы перлюстрации считают знаменитого кардинала Армана Жана дю Плесси Ришелье. В 1628 году он провел почтовую реформу, запретив пересылку писем в обход почты.

Одновременно по его приказу при Парижском почтамте появилась специальная комната для тайного просмотра пересылаемой корреспонденции. Так возникло выражение «черный кабинет» (далее – ЧК) – помещение, где проводилась перлюстрация писем (фр. Cabinet Noir). С середины XVII века подобные службы появились почти во всех европейских странах.

Главной особенностью перлюстрации было то, что она проводилась строго секретно и в нарушение официально существовавшего законодательства. Секретные инструкции для чиновников-перлюстраторов были важнее законов. Государство всегда официально отрицало существование перлюстрации, иначе она потеряла бы свой смысл. Поэтому перлюстрация и все, что было с ней связано, считались одной из важнейших государственных тайн.

Сам процесс вскрытия производился вначале с помощью небольшого костяного ножа, которым подрезывался удобный для вскрытия клапан письма (верхний, нижний или один из боковых). Позже вскрытие писем производилось паром. Для этого имелась своеобразная металлическая посуда, из которой через небольшое отверстие сверху бил горячей струей пар. Вода в посуде для постоянного кипения нагревалась сначала огнем, а затем электричеством.

Перлюстратор держал в левой руке письмо над отверстием сосуда так, чтобы струя пара расплавляла клей. Правой рукой с помощью длинной и толстой булавки (как для дамских шляп) он отгибал один из четырех клапанов письма. Этот клапан должен был представлять меньше затруднений для отклейки, т. е. его края были меньше заклеены марками или меньше задеты печатью.

В случае если письмо было запечатано большой печатью так, что нельзя было подрезать края печати, не испортив ее самой, то до его вскрытия приходилось приготовить такую же печать «один в один», чтобы ею после прочтения и заделки вновь запечатать письмо.

Надо отличать перлюстрацию от официальной военной цензуры. Последняя не является перлюстрацией в полной мере, так как вводится специальным публикуемым постановлением и не является секретом для населения. На корреспонденции ставится специальный штамп «Про-

верено военной цензурой», а в самом тексте при необходимости делаются «вымарывания» – закрашивания текста с запрещенным содержанием черным цветом.

Австрия

Австрийская секретная служба (нем. Geheime Kabinets-Kanzlei) была одним из наиболее эффективных ЧК в XVIII веке. Мешки с корреспонденцией, которая должна была доставляться утром иностранным посольствам, находящимся в Вене, в 7 часов утра ежедневно привозили в помещение ЧК.

Там письма аккуратно вскрывали, растапливая печати над свечой, отмечали порядок расположения страниц в конверте и передавали их помощнику директора. Он читал их и давал указания о снятии копий с самых важных документов. Длинные письма для экономии времени копировались под диктовку с использованием до 4-х стенографистов одновременно.

Если письмо было на незнакомом помощнику директора языке, он передавал его служащему кабинета, знавшему этот язык. Имелись переводчики со всех европейских языков, а когда появлялась потребность в новом языке, один из служащих получал задачу срочно выучить его. После копирования письма укладывались обратно в конверты, которые запечатывались при помощи поддельных печатей, и возвращались на почту не позже 9.30 утра.

Через полчаса в ЧК прибывала новая почта. Она обрабатывалась таким же образом, хотя и с меньшей поспешностью, поскольку была транзитной. Через Вену, находящуюся в центре Европы, шел огромный поток переписки между различными державами. Писали правители, дипломаты, военные, торговцы и т. д.

Как правило, эта корреспонденция возвращалась на почтовую станцию к 14-00, хотя иногда ее задерживали и до 19 часов. В 11 часов утра прибывали сообщения, перехваченные полицией. А в 16-00 курьеры привозили письма, которые отправляли иностранные дипломаты. Эти письма снова вливались в поток отправляемой из Вены почтовой корреспонденции к 18-30.

Скопированный материал попадал на стол директору ЧК, который отбирал особо интересную информацию и направлял ее заинтересованным лицам – руководству страны, министрам, дипломатам, военачальникам, полицейским чиновникам и т. п.

Таким образом, австрийский ЧК со штатом всего в 10 человек обрабатывал в среднем 100 писем ежедневно, обеспечивая сбор важной информации для всех ветвей государственной власти Австрии. При этом сотрудники венского ЧК работали крайне аккуратно, ошибки, когда вкладывали письма в чужие конверты, были крайне редки.

Но все же иногда случались, однажды перехваченное письмо для герцога Моденского было ошибочно опечатано очень похожей печатью правителя Пармы. Когда герцог заметил подлог, он отправил его в Парму с ироничной пометкой: «Не совсем мне, но и не вам». Оба государства заявили протест, но Вена отреагировала на него проявлением полнейшего неодумения.

Тем не менее, многие представители зарубежных стран при австрийском дворе знали о существовании в Вене ЧК. Его наличие косвенно признали даже сами австрийцы. Когда британский посол с юмором пожаловался, что он получает копии вместо оригинальной корреспонденции, австрийский канцлер холодно заметил: «Как неловки эти люди!».

Перехваченная зашифрованная корреспонденция подвергалась криптоанализу. В нем австрийцы весьма преуспели. Успех был достигнут в том числе и за счет того, что сейчас бы назвали «научной организацией труда». Были разработаны «нормативные акты», регулирующие работу дешифровальщиков. Они имели следующие положения:

- не допускать переутомления сотрудников от интенсивной умственной нагрузки, за исключением чрезвычайных случаев; австрийские криптоаналитики одну неделю работали, а другую – отдыхали;
- необходимо материальное стимулирование успехов, хотя заработная плата сотрудников была невысокой, за вскрытие шифров выдавались значительные премии;

– предусмотреть денежную компенсацию дешифровальщикам за вынужденную безработицу, когда ключи некоторых шифров подолгу не менялись, и, вскрыв их, дешифровальщики оказывались в вынужденном простое.

Хорошую возможность взглянуть на достижения венского ЧК дают воспоминания барона Игнаца Коха, который руководил им в период 1749-63 годов. Например, 4 сентября 1751 года он послал австрийскому послу во Франции некую дешифрованную корреспонденцию, позволявшую, по его словам, «гораздо лучше понять основные политические принципы, которыми руководствуется правительственный кабинет во Франции».

А еще через 2 недели он написал: «Это восемнадцатый шифр, который мы вскрыли в течение года... К сожалению, нас считают чересчур способными в этом искусстве, и мысль о том, что мы можем вторгнуться в их корреспонденцию, побуждает иностранные дворы непрерывно менять ключи, иначе говоря, посылать каждый раз более трудные в смысле дешифрования сообщения».

К достижениям австрийской дешифровальной службы относится чтение шифрованной переписки множества зарубежных правителей, политических деятелей и дипломатов. Тем не менее, венский ЧК был закрыт в 1848 году.

Следующее упоминание о перлюстрации находим уже в 1913 году начальник военной контрразведки Австро-Венгрии полковник Альфред Редль. Но карьере любого, даже самого успешного агента, когда-то наступает конец. Провал хорошо законспирированного информатора случился, увы, из-за уловки, им же самим и придуманной.

Еще в начале своей контрразведывательной деятельности Редль создал в Вене ЧК для перлюстрации почтовой корреспонденции. Все письма из-за рубежа вскрывались и прочитывались, и в подозрительных случаях почтовый чиновник, получавший вознаграждение и из секретного фонда, при появлении адресата потайным звонком вызывал шпииков.

Так случилось и на венском почтамте с письмом на имя господина «Ницетаса». Почтовый чиновник нечаянно обнаружил, что в конверт было вложено 7 тысяч крон, причем отправление не было заявлено как ценное. Филеры, отправившиеся за «Ницетасом», сразу установили, что это никто иной, как... сам Редль.

Германия

ЧК в баварском городе Нюрнберге работал с 1680-х годов, времён войны Аугсбургской лиги, пытаясь проследить за французским влиянием на землях Священной Римской империи и в восточной Европе. Благодаря привилегированному и практически монопольному положению европейской почты «Турн-и-Таксис» (нем. von Thurn und Taxis) во многих государствах и особенности почтовых потоков внутри этой организации привели к возникновению ЧК в Нюрнберге.

Именно в этом городе поток почты «Турн-и-Таксис», шедший из Франции и Испанских Нидерландов, разделялся надвое: в северную и восточную Европу. В Нюрнберге вся эта почта вскрывалась и копировалась имперскими властями с полным содействием семейства Турн-и-Таксис.

В нижнесаксонском городе Целле, резиденции герцога Брауншвейг-Люнебургского, начиная с 1693 года весь идущий из Нюрнберга на север поток копировался уже без такого содействия в пользу английских и голландских друзей и союзников герцога. На жалобу, поданную при дворе Императора представителем Турн-и-Таксис, герцог отвечал, что вряд ли кто-либо может ожидать от него другого поведения в военное время.

Несмотря ни на что, французские дипломаты продолжали посылать письма через немецкие земли, будучи уверенными в непревзойденности французской шифровальной службы. Тем

не менее, 2 профессиональных криптоаналитика на службе Брауншвейга с возможной помощью Вильгельма Лейбница вскрыли немало из этих шифров.

Конец активной работе целльского, а вслед за ним и ганноверского ЧК был положен коммерческим вытеснением Турн-и-Таксис частными французскими и голландским почтовыми службами. Почтовое агентство Амстердама не пожелало делиться пересылаемой через него почтой с ЧК германских графств и герцогств, заявив, что это замедлит и удорожит доставку почты.

Голландия

То, в чём амстердамское почтовое агентство отказало немцам, оно предоставило великому пенсионарию Голландской республики. Возникновение голландского ЧК во времена войны за испанское наследство интересно как пример становления секретной организации под влиянием существования других.

В первые годы войны Голландская республика нередко перехватывала письма дипломатов и шпионов со своей территории. Для дешифровки таких писем голландцы обращались за помощью в ганноверский и британский ЧК. Когда значительный поток европейской дипломатической и коммерческой переписки сам пришёл в руки республики, для того чтобы быстро извлекать представляющую интерес для Республики информацию и самостоятельно распоряжаться ей, понадобилась и соответствующая служба.

Первые годы амстердамский почтмейстер со своими служащими копировали почту, а большая часть дешифровок выполнялась по-прежнему в Ганновере, но неоднозначные отношения между союзниками все больше смещали центр тяжести на ЧК в Гааге.

Особенностями Голландской республики, влияющими на работу ЧК, было особенно большое количество людей в стране, вовлечённых в принятие политических решений и состоящих в переписке по этому поводу, и частное управление почтовыми отделениями до 1750 года.

Дания

В Дании перлюстрация вошла в обиход во время датско-шведского противостояния конца XVII – начала XVIII веков. Датский ЧК интересовался почти исключительно дипломатической перепиской. Информации о внутривнутриполитических делах собиралась редко, в основном в ходе дворцовых интриг, и теми же способами, что применялись к иностранной корреспонденции.

Из-за неспособности справляться с дешифровкой посланий систематическая перлюстрация фактически заглохла к 1760 году. Это особо заметно на примере серий перехваченных писем, датируемых 1758 годом, в которых клерки ставили пометки «одна страница шифра» вместо того, чтобы хотя бы переписать шифровку.

Однако эра ЧК в Европе была недолгой. Бурные политические события, особенно середины XIX века, привели к ограничению абсолютной власти европейских монархов и их полицейских ведомств. Провозглашенные принципы свободы и равенства оказались несовместимы с политическим сыском и в частности с цензурой переписки (перлюстрацией корреспонденции).

В июне 1844 года волна протестов со стороны общественности по поводу перлюстрации писем вынудила британское правительство прекратить перехват дипломатической переписки. В Австрии и Франции двери ЧК закрылись в 1848 году.

Тем не менее, в условиях монархических режимов в Европе в XIX века и в начале XX века, при наличии острых конфликтов между ними, нарушение тайны переписки в тот период

было очень частым. Это не вызывало серьезного удивления у общественности, несмотря на официальное признание принципа соблюдения тайны переписки в Конвенциях созданного в 1874 году Всемирного Почтового Союза.

Стремление избежать перлюстрации корреспонденции приводило к созданию различных хитроумных способов защиты письма от вскрытия. В качестве примера можно привести запечатывание писем дипломатической почты в первой половине XX века.

В практике почтовой переписки использовались зеленые конверты из специального картона размером 41х26 см. На лицевой стороне обозначались печатным шрифтом отправитель и получатель. Картон, из которого изготавливался конверт, был специальным, особенности сгибов и структура материала делали невозможным тайное вскрытие такого конверта без повреждений.

Кроме того, на обратной стороне и на закрывающемся клапане имелись два небольших отверстия в бумажном слое. При запечатывании конверта эти отверстия закрывались, а через картон пропускался специальный шнур, который образовывал сложную геометрическую фигуру и завязывался особым узлом. Узел заливался сургучом, а на сургуч ставилась печать.

Получатель такого конверта сначала искал внешние признаки вскрытия, затем отделял клапан и через отверстие проверял шнурованную маркировку. Поэтому практически вскрыть такой пакет, не оставив при этом следов, было невозможно. Его можно было только заменить, при наличии точно таких же конвертов, специального шнура и печати.

1.2. Французский ЧК

В 1590 году французский король Генрих IV основал почтовую службу «Poste aux Lettres», которой была поставлена задача распечатывать, читать и повторно запечатывать письма, собирая информацию об умонастроениях нации. Осведомлённость публики о существовании подобной службы привела к использованию шифров в частной переписке, а это, в свою очередь, привело «Poste aux Lettres» к необходимости «взламывать» новосозданные системы шифров.

Но прежде всего осуществлялось вскрытие дипломатической переписки. Так, например, в конце XVI века французский король Генрих IV подписал с Испанией условия мира, которые активно затрагивали интересы Англии и, конечно, сохранялись в строжайшей тайне. Достать текст мирного франко-испанского договора англичанам удалось через венецианского посла Контарино. По его поручению испанского курьера, который вез почту с подписанным договором, напоили снотворным зельем и усыпили.

Однако текст договора находился в запаянной металлической трубке, на которой стояла печать (чем не современный контейнер для дипломатической почты!). Вскрыть трубку и не повредить печать оказалось крайне трудно. К тому же трубка-контейнер была внутри запечатанной сумки, которая крепилась цепью вокруг тела курьера. И всё же изъятие документа было осуществлено так искусно, что в Мадриде ничего не заметили.

После того, как в 1628 году молодой писец Антуан Россиньоль дешифровал письма гугенотов из осаждённой крепости Ла-Рошель, кардинал Ришелье назначает его начальником «Счетной Части» (фр. Cour des comptes) – дешифровального отделения. Россиньоль стал первым профессиональным криптоаналитиком Франции, а на смертном одре Людовик XIII назвал его «человеком, от которого зависит благополучие моих подданных».

Кардинал Ришелье уделял деятельности ЧК особое внимание. В 1628 году, когда Ришелье запретил пересылку писем в обход почты и приказал устроить в помещении парижского почтамта специальную комнату для тайного просмотра писем – ЧК. Сам Ришелье цинично называл эту операцию «размягчением сургуча». Детище кардинала Ришелье усовершенствовал король Людовик XIV, организовав полицейское политическое бюро.

Первые шаги на пути создания такой полицейской структуры были предприняты еще кардиналом Мазарини, который руководил секретно-агентурной службой с 1642 года. После его смерти в 1661 году теневую власть в государстве осуществлял финансист, экономист и политик Жан Батист Кольбер. Он был создателем ЧК во Франции.

Перед вскрытием письма с его печати с помощью специальной мягкой амальгамной пасты обязательно делался оттиск, чтобы впоследствии письмо снова можно было запечатать точно такой же печатью. О том, что письмо вскрывалось, догадаться было невозможно. Прежде, до Кольбера, строго соблюдался основной принцип: доставлять адресатам только письма, прошедшие тайную цензуру.

ЧК при Людовике XIV, согласно описанию современника, представлял собой «запрятанное в укромном месте и постоянно запираемое помещение, где стояло множество разнообразных стеллажей и ящиков, низеньких столиков и переносных пюпитров.

В шкатулках и футлярах хранились цветные чернила и перья, подушечки для черных и красных оттисков, изготовленные из специальной мастики или хлебной мякины, которые пропитывали связующей жидкостью, заготовки для штемпелей, с их помощью можно было зафиксировать и сохранить любую форму печати.

Кроме того, здесь лежали стопки облаток всевозможных цветов и размеров, наборы печатей любой мыслимой формы и исполнения и лак. В особых ящичках хранились острые ножи,

длинные лезвия и тончайшие стальные пластинки, конверты и почтовая бумага любого вида, любого цвета и любого формата на случай, если вдруг что-нибудь будет порвано.

Имелись разнообразные чернила и подушечки с почтовыми штемпелями со съёмными цифрами, небольшие горелки под тоненькими решетками, чтобы размягчить печать и расплавить лак.

Маленькие реторты и спиртовки использовались для того, чтобы под действием пара кипящей воды увлажнить резиновые крепления или облатки; как только такая печать достаточно отсыреет, надо было легонько поддеть ее тонюсенькой стальной палочкой – и она тут же отрывалась.

Для запечатывания письма использовали отпечаток, сохранившийся на хлебе, иной раз годилась и металлическая печать, но затем непременно покрывали тем лаком, который был строго идентичен прежнему. При запечатывании облатками надо было взять кусочек такого же цвета и размера, как в оригинале. Облатки были очень тонкие, и если манипуляция не вполне удавалась, прибегали к помощи обычного почтового штемпеля.

Здесь всегда хранились про запас разные химические жидкости, всевозможные клеящие вещества и красители, разнообразные нитки, веревочки для перевязывания, а помимо того неисчислимое множество разных вещей, чье предназначение показалось бы совсем непонятным для непосвященного. Одним словом, все это было скорее лабораторией, чем бюро».

Существует также версия, что первая служба под названием «Cabinet Noir» была организована в 1668 году военным министром Людовика XIV Франсуа Лавуа, и уже вслед за этим название стало применяться к разнообразным организациям, занимающимся перлюстрацией и дешифровкой корреспонденции.

Возглавляли работу «чёрного кабинета» Антуан Россиньоль и его сын Бонавентура. В царствование Людовика XIV слежка и почтовая цензура становятся частью возведённой в систему политической полиции. При новом короле местом работы Россиньоля становится тайная комната, прилегающая к кабинету короля в Версале. Отсюда шёл поток дешифрованных сообщений, в немалой степени определяющих политику Людовика.

Современники были хорошо осведомлены о существовании ЧК и поэтому из осторожности не касались в корреспонденции вопросов, составлявших государственную тайну. Об этом писал, например, герцог Сен-Симон в своих мемуарах, относящихся к концу XVII века.

Французский ЧК получил особое значение при Марк-Рене д'Аржансоне, который с 1697 года занимал пост генерал-лейтенанта полиции. Его правление совпало с последними, наиболее тяжёлыми для страны годами правления Людовика XIV, военными поражениями и продолжительными волнениями в Париже. В этих условиях д'Аржансон значительно расширил систему слежки.

При Людовике XV (1715-74) многочисленный штат чиновников, работавших под наблюдением главного директора почты Жанеля, снимал оттиски с сургучных печатей, водяным паром расплавлял сургуч, вынимал письма из конвертов и читал их, снимая копии с тех писем, которые, по мнению цензоров, могли заинтересовать или развлечь короля и маркизу де Помпадур.

К началу XVIII века ЧК еще вполне обходился 4-мя сотрудниками. Положение коренным образом изменилось с началом войны за испанское наследство. Теперь перед Францией встала задача установить тотальный неусыпный надзор и категорически пресекать любые происки своих политических противников. Одним из важнейших средств в этой борьбе, безусловно, являлся секретный надзор за почтой.

Создается сеть филиалов ЧК – в Испании, Нидерландах и Северной Италии – с целью перехвата и проверки всей корреспонденции, имеющей ценность в свете французской политики. Можно предположить, что именно благодаря этой мере, во всяком случае, в Испании,

Франция добилаь значительного, хотя и временного преимущества в области шпионажа. При Людовике XV уже ни одно письмо не могло ускользнуть от бдительных очей тайной цензуры.

Дело доходило до курьезов. Подданные короля, которые боялись открыто выступить с критикой порядков в государстве или обратиться непосредственно к его величеству, просто жаловались в письмах своим друзьям на различные злоупотребления. Таким образом, они с полным основанием могли рассчитывать, что об их жалобе будет непременно доложено королю. Придворный летописец сообщает:

«Людовик XV в искусстве дешифровки превзошел своих предшественников во многих аспектах, и прежде всего в своем презрении к тайне почтовой переписки. Короля развлекала эта чудовищная шпионская служба. Поэтому за годы его правления она была еще более расширена и усовершенствована... Это позволяло ему всегда быть в курсе любых интриг при дворе и в столице, что доставляло ему большое удовольствие».

Содержание ЧК обходилось в 50 тысяч ливров ежегодно, и эти деньги изымались из бюджета министерства иностранных дел. Самые высокопоставленные лица в государстве не могли быть уверены в том, что их письма не вскрывают и не прочитывают. Даже мать короля как-то пожаловалась.

«Не помогает даже то, что я запечатываю свои письма моей личной печатью, У них есть всякие средства, чтобы снять оттиск с печати, удалить воск, а потом, когда письмо прочитано и переписано, они снова его запечатывают так, что никогда и ни не догадаешься».

В техническом отношении в те времена французская почта значительно превосходила многие другие. Здесь постоянно открывались новые почтамты. В 1760 году в Париже отстраивается здание городского почтамта, ускоряется доставка почты, большое внимание уделяется улучшению дорог и усовершенствованию почтовых экипажей. Все эти технически важные достижения, разумеется, были чрезвычайно полезны и для деятельности ЧК.

В 1775 году Людовик XVI заявил, что частная переписка является неприкосновенной, и вознамерился было покончить с системой контроля за почтой. Однако придворные довольно быстро смогли убедить короля в том, что мудрость государственного деятеля несовместима со столь щепетильным отношением к тайнам почтовой переписки. ЧК продолжал функционировать и далее, сохраняясь и после Великой Французской Революции, и в Первой империи Наполеона I.

Когда разразилась революция 1789 года, ЧК поначалу продолжал работать, как ни в чем не бывало. Но вскоре общественность Франции потребовала от своих представителей повторного введения тайны почтовой переписки и строжайшего наказания любого почтового чиновника за нарушение этого принципа.

На заседании Конвента 25 июля 1789 года Максимилиан Робеспьер, защищая свои взгляды в полемике с Мирабо, заявил: «Конечно же, письма нельзя вскрывать, но если существует опасность для целой нации, если образуется заговор против ее свободы, тогда то, что обычно является преступлением, становится похвальным поступком. Поощрить заговорщиков – это предать народ».

Но год спустя Национальное собрание вычеркнуло из государственного бюджета расходы на ЧК. Один из депутатов выступил с требованием поместить всю почту, перехваченную с начала восстания в Париже, в надежное место с тем, чтобы по требованию Национального собрания можно было бы ее предъявить. По против этого предложения возвысил свой голос Мирабо: «Неужели для народа, желающего стать свободным, могут согдиться принципы и методы тирании?»

А 9 мая 1793 года Конвент, постановивший в 1791 года отказаться от цензуры переписки с враждебными Франции государствами, принял решение, вступающее в силу немедленно, по которому все письма, адресованные эмигрантам, должны быть вскрыты и прочитаны. ЧК был ликвидирован лишь в 1871 году, после падения Наполеона III.

С 1903 года контроль за иммиграцией и слежка за иностранцами во Франции в те годы были возложены на службу общей безопасности «Сюртэ генераль» (фр. Surete generale) Министерства внутренних дел и религии (далее – «Сюртэ»), если быть более точным – на 2-е бюро этого французского аналога петербургского Департамента полиции (далее – ДП).

Известно, что в марте 1904 года «Сюртэ» начала перехват корреспонденции японской дипломатической миссии в Париже. В бумагах французской полиции сохранился доклад с описанием организации и методов работы криптослужбы «Сюртэ». Он написан в форме воспоминаний руководителя службы Хаверна, который, в числе прочего, приводит сведения о том, как в 1904 году была организована координация работ дешифровщиков во французской полиции, армии и МИД.

Из доклада следует, что при содействии специалиста-криптолога майора Этьена Базери французам в общей сложности удалось перехватить и дешифровать около 1600 секретных японских депеш. Затем часть этих дешифрантов через руководителя службы протокола МИД Молларда передавалась министру Делькассэ, а также министру внутренних дел Рене Вальдек-Руссо, по указанию которого через И.Ф. Манасевича-Мануйлова они в итоге направлялись в союзный Парижу Петербург.

Тайный осведомитель, внедренный в миссию Японии в Гааге, добыл алфавитный дипломатический код, который затем был переведен на французский язык. С помощью этого кода «Сюртэ» успешно расшифровывала телеграммы японских дипломатов, предварительно организовав их перехват на парижском почтамте.

Затем дешифранты двигались по указанной выше цепочке, попадая в итоге через Мануйлова в Петербург без каких-либо изменений. Благодаря этому, Особый отдел российского ДП не имел нужды в создании собственной криптослужбы, в случае с японскими депешами из западноевропейских стран пользуясь результатами трудов своих французских коллег.

Летом 1905 года, в последние дни русско-японской войны и франко-немецкого кризиса в Марокко, Франция и её союзница Россия в течение короткого периода сотрудничали в области перехвата и дешифровки секретной информации. Так, в июне русский посол по указанию своего правительства передал французскому премьер-министру копию дешифрованной немецкой телеграммы, связанной с марокканским кризисом.

Для Франции эта телеграмма имела настолько большое значение, что «Сюртэ» получило указание передать иностранному отделу русской «охранки» всю японскую дипломатическую переписку, которую удалось перехватить и дешифровать в «Сюртэ».

Случилось так, что телеграммы, посланные Мануйловым и содержавшие дешифрованные японские документы, в свою очередь, были перехвачены и дешифрованы французским ЧК МИД. Не зная о том, что настоящие документы были переданы России по указанию премьер-министра, в МИД решили, что произошла серьёзная утечка информации в системе безопасности кодов и шифров, и отделу шифрования был отдан приказ прекратить все контакты с «Сюртэ».

В результате случайной ошибки, порожденной коротким периодом сотрудничества между французской и русской службами перехвата, ЧК МИД и «Сюртэ» в течение дальнейших 6 лет напряжённо работали абсолютно независимо друг от друга, иногда перехватывая и дешифруя те же дипломатические телеграммы. С того времени Россия и Франция ни разу не обменивались перехваченной информацией.

Перлюстрация писем помогла «Сюртэ» раскрыть немецкую шпионку Мата Хари (Маргарита Гертруда Маклеод). Вела она себя достаточно осторожно, и до 1916 года французская контрразведка не могла «поймать ее за руку». Поскольку круг ее «близких знакомых» был очень широк и, в основном, это были военные, то секретные сведения она, так сказать, получала «легально».

Среди ее поклонников и любовников были также дипломаты нейтральных стран, которые могли отправлять ее шпионские письма по дипломатической почте. «Сюртэ» пошла на нарушение закона и стала вскрывать дипломатическую почту ее возлюбленных – дипломатов. В результате в почте обнаружили достаточно веские материалы, чтобы привлечь ее к суду.

В дальнейшем, дело перлюстрации дипломатической почты продолжила «Служба 7» Управления разведки Службы внешнего осведомления и контрразведки «SDECE» (фр. *The Service de Documentation Extérieure et de Contre-Espionnage*,) Министерства вооруженных сил Франции. Об этом написал в своих мемуарах полковник Леруа-Фэнвилль, начальник этой службы в 1953-64 годах.

Он с большими подробностями описал напряженную атмосферу, в которой работали специалисты по самым разнообразным операциям тайного физического проникновения (далее – ТФП) в иностранные дипломатические почты, посольства, в том числе американское, как во Франции, так и в других государствах.

В задачу Леруа-Фэнвилля входило добывание секретной разведывательной информации всеми возможными техническими средствами. Речь шла о снабжении французского правительства секретными документами, которые можно было найти в «чужих» сейфах, иностранных дипломатических вализах или сумках, портфелях и дипломатах видных иностранных чиновников.

По утверждению автора, де Голль требовал от французских спецслужб считать все государства без исключения противниками, даже если с ними поддерживались дружественные отношения. В результате французская разведка не стеснялась проводить операции ТФП и по своим близким союзникам.

Так, в 1964 году, правда, уже по указанию другого президента – Валери Жискар д'Эстена – «Служба 7» проводила изъятие секретных материалов и вскрытие личного портфеля заместителя государственного секретаря Джорджа Болла. Это, кстати, позволило французам во время переговоров министров иностранных дел по «Кеннеди Раунд» в Каннах знать заранее позиции американцев.

Автор пишет, что существовавшая «Служба 7» была самой засекреченной. Ее рутинная работа состояла во вскрытии иностранных дипломатических почт, проходивших через аэропорт Орли, проверке содержания сейфов и других специальных хранилищ, то есть в проведении операций ТФП.

«Служба 7» действовала настолько широко и добывала такой большой объем секретных материалов, что ее знали как источник ценной и актуальной информации все министры французского правительства. Кстати, эта практика резко отличалась от того порядка, который соблюдался в наших спецслужбах, тщательно скрывавших ТФП как источник добывавшейся информации, а доступ к таким материалам был крайне ограничен. При этом они тщательно обезличивались, чтобы нельзя было определить их бывших собственников.

Сфера оперативной деятельности «Службы 7», так называемый «Фронт», как ее именует автор, – понятие многозначное, подвижное, включающее как четко обозначенные места и объекты ТФП, так и не поддающиеся определению. Это те места, где появляются, общаются, проживают постоянно или временно, работают, а также куда приезжают и откуда уезжают иностранцы.

Постоянными объектами «Фронта» являются иностранные посольства. «Мы пытаемся, – пишет автор, – проникать в них, перехватывать их курьеров, их коды и шифры, их сейфы».

«Фронт» охватывал также вокзалы, где бывают известные иностранцы, государственные лидеры, ученые, промышленники, профсоюзные деятели, а также агенты, способные перевозить в вализах и сумках или на себе секреты, которые интересовали правительство.

«Служба 7» широко использовала обслуживающий персонал гостиниц, аэропортов, пансионатов, привлекала его к производству негласных обысков с целью выявления наличия секретов в сейфах, личном багаже.

Во всех крупных гостиницах «Служба 7» имела спецгруппы в составе 3-х высококвалифицированных специалистов в области ТФП. Эти отели были «наводнены» их агентурой, в том числе сами управляющие гостиниц были связаны с ними. Специалисты при гостиницах имели опыт вскрытия замков на дверях и личных вещах, умели обращаться с сейфами и обрабатывать сложно упакованные пакеты с документами и вализы.

Автор описывает, как он организовал плотное наблюдение за известным американским профсоюзным деятелем Ирвингом Брауном, являвшимся агентом ЦРУ. Французы не раз проникали в его гостиничный номер в его отсутствие и фотографировали его документы, в то время как их люди сторожили у входа в гостиницу, в лифте, на лестницах, блокируя его возможное появление.

«Фронту» принадлежали все те номера в гостиницах, в которых обычно останавливались видные персоны, и их местопребывание и жилье являлось «избранной целью» службы. В сферу деятельности «Фронта» входили аэропорты всей страны, вокзалы, морские и речные порты, «Служба 7» тесно сотрудничала с авиакомпаниями и почтовиками. Вся эта деятельность значительно расширилась с начала 1950-х годов.

В конторах фрахтования судов, в таможенных пунктах и пунктах сортировки почты постоянно появлялись дипломатические курьеры, направляющиеся за границу, сдавались и принимались дипломатические вализы в виде герметически упакованных мешков и сумок. Они регулярно доставлялись туда представителями посольств и помещались в «безопасные» хранилища, где как раз и находились внедренные туда агенты «Службы 7».

Автор с гордостью хвалится, что создал уникальную организацию для обращения с дипломатическими курьерами и их багажом, которая функционировала автоматически.

«Служба 7» создала специальные лаборатории для обработки, вскрытия и запечатывания пакетов, вализ и прочего, оснащенные ультрасовременной аппаратурой, располагающие всевозможными средствами и ведущие разработку новых методов ТФП.

Специальные бригады, замаскированные под носильщиков, обслуживали специальные багажные камеры хранения, личный состав которых состоял из высококвалифицированных взломщиков, способных проникать в любые надежные хранилища и доставлять в лаборатории «Службы 7» нужный ей багаж.

Доставка такого багажа осуществлялась по строго разработанному графику, на основе точного хронометража пути, чтобы никакие случайности не могли помешать своевременной доставке багажа, и было достаточно времени для его обработки и возвращения на место хранения вовремя.

В лаборатории прежде всего исследовался внешний вид вализы, упаковки со всех сторон и со всех точек зрения (материал, метод упаковки и прочее). Каждая упаковка осматривалась через увеличительную линзу, фиксировались любые особенности, царапины, помятости, надломы, которые могли служить признаками, специально нанесенными для обеспечения безопасности упаковок.

По внешнему виду обычная вализа являлась мешком из прочной ткани, надежно упакованным шнуром из разных материалов. Два конца шнура образовывали первый узел, опечатанный пломбой. По выходе из пломбы оба конца снова завязывали во второй узел, такой же сложный, как и первый.

Затем оба конца шнура заделывались в своеобразный чехол, который скреплялся сургучной печатью. Эта часть упаковки точно определялась и заделывалась отправителем. Ясно, что наличие каких-либо отклонений в одном из узлов, в пломбе или концевом чехле могло

послужить подозрением со стороны владельца почты в возможном вскрытии ее посторонними лицами.

Как следствие, сразу же будет известно, с чем мог ознакомиться вскрывший «чужую» почту, что нарушало основной принцип ТФП. Для того чтобы избежать этого, каждый шаг специалистов, вскрывающих вализу, скрупулезно фотографировался и пленка тут же проявлялась, чтобы при обратной упаковке можно было сравнивать то, что получилось, с тем, как это было первоначально.

После вскрытия вализы начиналось очень осторожное извлечение ее содержания, также при фотографировании его внешнего вида. Любая мелочь, изменение положения документов в конвертах, новые изгибы на бумаге могли послужить признаком вскрытия.

Третья фаза ТФП – упаковка всего содержания и закрытие вализы. Постоянно осуществлялась сверка с фото, исследование под микроскопом получившихся печатей, чтобы не осталось на них ни одной ранее отсутствовавшей трещинки. И все это делалось в лихорадочном темпе, ибо время не ждало, при соблюдении полной тишины, чтобы ничем не отвлекать сконцентрированного до предела внимания специалистов на том, что они делали.

Лишь иногда звучала просьба-приказ дать иглу, нитку, сургуч и т.д. Можно было сказать, что при операции ТФП в дипломатическую вализу требовалась не меньшая, а может быть и большая точность движений и твердости руки, чем нейрохирургу при сложной операции на мозге человека.

В большинстве случаев закрытие и упаковка вализ проходила без проблем. Но случались и большие сложности, как, например, при «кесаревом сечении» внешних мешков-вализ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.